

Во вторник в альпийском местечке Вантбрюн нашли четырех растерзанных овец. А в четверг в Пьерфоре — девять. “Это волки, они идут на нас”, — сказал кто-то из стариков.

Другой, осушив стакан, поднял руку и произнес: “Не волки, Пьеро, а волк. Зверь, какого ты еще не видел. Он идет на нас”.

Глава 1

Двое мужчин лежали в зарослях кустарника, припав к земле.

— Ты собираешься учить меня, что делать? — чуть слышно произнес один.

— Ничего я не собираюсь, — ответил его спутник, крепкий рослый парень с длинными светлыми волосами по имени Лоуренс.

Стараясь не шевелиться, они наблюдали в бинокль за волком и волчицей. Было только десять утра, но солнце припекало нещадно.

— Самец — это Маркус. Он вернулся, — снова заговорил Лоуренс.

Второй покачал головой. Он был из местных, маленького роста, темноволосый, упрямый. Вот уже шесть лет он наблюдал за жизнью волков в Меркантиуре. Его звали Жан.

— Это Сибелиус, — почти беззвучно прошептал он.

— Сибелиус гораздо крупнее. И у него нет желтого пятна на загривке.

Раздосадованный Жан Мерсье снова настроил бинокль, увеличив резкость, и стал рассматривать

самца, который, метрах в трехстах от того места, где прятались люди, кружил у скалы, где находилось его логово, временами поднимая морду и приносясь. Люди прятались близко, слишком близко от него, и лучше было бы им отползти подальше, но Лоуренс ни за что не отказался бы от съемки. За этим он сюда и приехал: снять фильм о волках и увезти его домой, в Канаду. Однако уже полгода он под разными надуманными предлогами откладывал отъезд. Похоже, канадец здесь прижился. Жан Мерсье знал почему. Лоуренс Дональд Джонстоун, известный специалист по канадским гризли, совершенно помешался на обитавших в местном заповеднике европейских волках. Но не осмеливался в этом признаться. Впрочем, канадец вообще говорил мало, только самое необходимое.

— Весной вернулся, — чуть слышно произнес Лоуренс. — Создал семью. Кто самка — не пойму.

— Это Прозерпина, — шепотом сообщил Жан Мерсье. — Дочь Януса и Юноны, из третьего помета.

— С ней Маркус.

— Да, Маркус, — неохотно признал Мерсье. — И можно определенно сказать, что недавно появились волчата.

— Хорошо.

— Очень хорошо.

— Сколько их?

— Пока неизвестно.

Жан Мерсье сделал пометки в записной книжке, висящей на поясе, попил воды из фляги и осторожно вернулся в прежнюю позу, не сломав ни одной травинки. Лоуренс положил бинокль на землю и отер лицо. Поднял камеру, поймал в объектив Маркуса,

улыбнулся и начал снимать. Он провел полтора десятка лет среди канадских гризли, северных оленей и волков, в одиночку обходя огромные заповедные территории, наблюдая, записывая, фотографируя, а порой помогая четвероногим братьям — тем, которые состарились и одряхлели. Иногда происходили забавные случаи, хотя, если подумать, не такие уж и забавные. Например, старая самка гризли по имени Джоан порой подходила к нему и подставляла лохматую голову, чтобы он почесал ее. Лоуренс и вообразить не мог, что несчастная тесная Европа, где дикой природы почти не осталось, а все зверье уже приручили, может предложить ему что-нибудь стоящее. Он неохотно согласился отправиться в командировку в горный массив Меркантур и снять сюжет о волках, ни на что особо не надеясь.

Но вышло так, что он надолго застрял на небольшом гористом клочке земли и все никак не решался покинуть этот край. Он тянул и тянул с отъездом, потому что полюбил европейских волков невзрачного тускло-серого окраса: какими же жалкими, загнанными они казались по сравнению со своими крупными бело-серыми родичами из Арктики — и как нуждались в его помощи и сострадании. Он не хотел уезжать, хотя здесь над ним вились тучи мошкеры, с него градом катил пот, вокруг торчали обугленные после лесного пожара кусты и стояла звенящая средиземноморская жара. “Погоди, ты еще не все видел, — говорил Жан Мерсье, и в его голосе звучала гордость бывалого, опаленного яростным солнцем человека, которому все нипочем. — Сейчас еще только июнь”.

А еще Лоуренс тянул с отъездом из-за Камиллы.

Как тут говорили, он “прижился”.

— Это вовсе не в упрек тебе, — с серьезным видом объяснял ему Жан Мерсье. — Лучше, если я все же скажу: ты здесь прижился.

— Да ладно, я и сам знаю, — ответил ему тогда Лоуренс.

Он выключил камеру, бережно положил ее на рюкзак, прикрыл куском белой ткани. Молодой волк Маркус только что скрылся из виду в северном направлении.

— На охоту пошел, пока еще нет настоящей жары, — прокомментировал Жан.

Лоуренс побрызгал на лицо водой из фляги, смочил кепку и отпил десяток глотков. Господи, какое здесь жаркое солнце! Никогда еще ему не приходилось бывать в таком аду.

— У них не меньше трех волчат, — прошептал Жан.

— Сейчас поджарюсь, — сообщил Лоуренс, сморщившись и потрогав спину.

— Погоди, ты еще не все видел.

Глава 2

Комиссар Жан-Батист Адамберг откинул макароны на дуршлаг и стал рассеянно наблюдать, как стекает вода, потом вывалил их в тарелку, добавил немного сыра, томатного соуса, и получился вполне сносный ужин. Он вернулся домой поздно — допрашивал молодого парня, круглого дурака, и дело затянулось до одиннадцати часов. Адамберг вообще был медлительным, он не любил торопить ни события, ни людей, даже круглых дураков. Но прежде всего он не любил подгонять самого себя. Телевизор работал с выключенным звуком, без конца показывали какие-то войны. Он с грохотом стал рыться в ящике со столовыми приборами, где все было перемешано, наконец отыскал вилку и, не садясь, замер у экрана.

... кантурские волки совершили новое нападение в Приморских Альпах, до последнего времени считавшихся в этом отношении совершенно безопасными. Поговаривают, что на сей раз речь идет об исключительно крупном звере. Правда это или вымысел? С места событий...

Адамберг, по-прежнему с тарелкой в руке, тихонько, на цыпочках приблизился к телевизору, словно боясь спугнуть комментатора. Одно неосторожное движение — и этот пугливый тип вспорхнет и улетит с экрана, так и не закончив интереснейшую историю про волков, которую только что начал рассказывать. Комиссар прибавил громкость, отступил назад. Адамберга многое связывало с волками, как мы связаны со своими ночными кошмарами. Все годы детства он, уроженец Пиренеев, слышал, как старики рассказывают ужасные истории о последних волках во Франции. Ему случалось ночью бродить в горах, когда он был еще совсем маленьким, лет девяти-десяти: отец, не желая слушать никаких возражений, посылал его собирать хворост у обочин дорог, и Жан-Батисту чудились желтые светящиеся глаза, следящие за ним из темноты: “Волчьи глаза горят в ночи, как уголья, малец, горят, как уголья”.

И сейчас, когда он стал взрослым, его сны возвращали его по ночам туда, в горы, на те же знакомые тропинки. Все-таки человек — совершенно безнадежное создание, он вечно цепляется за худшее, что было в его жизни.

Несколько лет назад он действительно слышал, что семейство волков из Абрुцских гор в Италии переместилось через Альпы и обосновалось где-то на территории Франции. Никакой ответственности, что с них взять? Бродят, как пьянчужки, не ведая, куда их занесет. Приятная прогулка, символическое возвращение на родину, добро пожаловать, дорогие

плешивые гости! Привет, а вот и мы! А потом он узнал, что какие-то ненормальные нянчатся с этими волками, как с сокровищем, укрыв их в скалистом Меркантуре. И что время от времени люди подкармливают их, угощая барашком. Однако по телевизору об этом рассказывали впервые. Интересно, с чего эти серые парни из Абруцци вдруг стали такими дикими и кровожадными? Адамберг, продолжая жевать, следил, как на экране появляются то растерзанная овца, то лужи крови, растекшиеся по земле, то искаженное отчаянием лицо пастуха, то разбросанные по зеленой траве клочья шерсти, слипшейся от крови и грязи. Оператор, по-видимому, наслаждался, показывая крупным планом рваные раны, а журналист задавал болезненные вопросы, разжигая гнев и без того доведенных до крайности местных жителей. Вперемежку с кадрами репортажа на экране то и дело мелькали изображения оскаленных волчьих морд, должно быть, из каких-то старых документальных фильмов, снятых, вероятно, где-нибудь на Балканах, но уж никак не в Альпах. Создавалось впечатление, что население внутренних районов Приморских Альп подверглось нападению дикой стаи, и только старые пастухи, гордо подняв голову, готовы бросить вызов кровожадным тварям, дать отпор, глядя им прямо в глаза. “Горят, как уголья, малец, горят, как уголья...”

Далее сообщались факты: в районе горного массива обитали три десятка зарегистрированных волков, несколько случайно забредших молодых самцов, не больше десятка, встречались и бездомные собаки, порой не менее опасные. В течение весны и первых недель лета в окрестностях Меркантура в радиусе

десяти километров волки загрызли несколько сотен баранов. В Париже об этом ни разу не упоминали, потому что всем было наплевать, и теперь Адамберг растерянно вслушивался в ужасные цифры, которые называл комментатор. Сегодня снова произошло два нападения, на сей раз в кантоне Онье.

На экране появился ветеринар и невозмутимо, со знанием дела стал давать пояснения, указывая на раны:

— Нет, сомневаться не приходится, здесь явно виден отпечаток широкого зуба с заостренным концом, это дальний верхний премоляр, который также называют хищным зубом, а вот тут, видите, чуть впереди, след от правого клыка, вот посмотрите, и вот здесь, пониже, и здесь. И обратите внимание на расстояние между этими двумя отпечатками. Это, очевидно, челюсть очень крупного животного семейства совых.

— Вы хотите сказать, доктор, что это волк? — спросил репортер.

— Или очень крупная собака.

— Или, может быть, очень крупный волк?

Кадр сменился, и перед Адамбергом возникло упрямое лицо фермера-овцевода. Он говорил о том, что вот уже четыре года с благословения столичных чиновников это проклятое зверье набивает брюхо, пожирая овец.

— Прежде никто не видывал таких ран. Никогда. Клыки у него с мою ладонь. — Овцевод поднял руку, показывая на горы. — Там-то он и рыщет. Зверь, какого еще не бывало. Пусть они там, в Париже, посмеиваются, пусть себе посмеиваются. Поглядим, как они будут смеяться, когда увидят его.

Словно во сне, Адамберг стоя доедал остывшие макароны. Комментатор подвел итоги. На экране опять замелькали кадры военных действий.

Комиссар медленно сел, поставил пустую тарелку на пол. Господи, ничего себе, меркантирские волки! Поначалу это была совсем маленькая стая, а теперь она ни с того ни с сего резко увеличилась. И район за районом стала расширять территорию. Теперь волки охотились уже за пределами Приморских Альп. Их четыре десятка, интересно, кто из них нападает? Небольшая группа? Отдельные пары? Или какой-нибудь одиночка? В историях, что рассказывали старики, это был именно волк-одиночка: неуловимый, жестокий, он крался в ночи, припадая к земле. Огромный хищник. Меркантирский зверь. А в домах сидели испуганные дети. Адамберг закрыл глаза. “Волчьи глаза горят в ночи, как уголья, малец, горят, как уголья”.

Глава 3

Лоуренс Дональд Джонстоун вернулся в деревню только в пятницу, часам к одиннадцати вечера.

Обычно между часом и четырьмя часами дня сотрудники заповедника в Меркантуре работали или просто дремали, устроившись в каком-нибудь сарае из грубо отесанных камней: они во множестве были разбросаны по склонам гор. Лоуренс обосновался неподалеку от новой территории молодого Маркуса, в заброшенной овчарне, где пол был покрыт столетним слоем навоза, который высох очень давно и потому совершенно не пах. Однако Лоуренс из принципа все тщательно вычистил и вымыл. Огромный канадец, привыкший, раздевшись до пояса, растираться снегом, никак не мог смириться с тем, что люди, покрытые многодневным липким потом, валяются прямо на овечьем дерьме. Он считал французов очень неприятными. Когда он ненадолго попал в Париж, этот город дохнул на него выхлопными газами, мочой, чесночным и винным перегаром. Но именно в Париже он встретил Камиллу, поэтому Париж был великодушно прощен. Так же как плавающий от зноя Мер-

кантур и деревенька Сен-Виктор-дю-Мон, где они с Камиллой временно поселились. И все-таки эти люди ужасно неопрятные. Лоуренс так и не смирился с их ногтями в черных ободках, сальными волосами, серыми от грязи растянутыми майками.

Каждый день после полудня он располагался в чисто прибранной старой овчарне, стелил брезент на сухом земляном полу и усаживался на него. Он разбирал материалы, просматривал кадры утренней съемки, готовился к вечерним наблюдениям. Последние несколько недель на горе Мунье охотился старый, одряхлевший волк-одиночка, почтенный Август, которому уже минуло пятнадцать лет. Он отправлялся на поиски добычи только до рассвета или после заката, по прохладе, и Лоуренс не хотел пропустить его появление. На самом деле старый зверь не столько охотился, сколько просто старался выжить. Силы его убывали, и даже самая легкая добыча ускользала от него. Лоуренс спрашивал себя, сколько волк еще продержится и чем все это закончится. И сколько времени продержится он сам, Лоуренс, прежде чем начать подстреливать дичь и подкармливать старого Августа, нарушая правила заповедника, гласящие, что животные должны выкручиваться сами, а если не могут, пустьдохнут, как в первобытные времена. Если Лоуренс притащит старику зайца, разве это нарушит природное равновесие? Как бы то ни было, ему следовало это сделать, и необязательно ставить в известность французских коллег. Эти самые коллеги уверяли его, что помогать животным — значит ослаблять их и грубо попирать законы матушки-природы. Разумеется, вот только Август крайне ослабел, законы природы были к нему безжалостны. Ну и что это изменит?

Поев хлеба и колбасы и напившись воды, Лоуренс растягивался на земле, подкладывал руки под голову и думал о Камилле, о ее теле, о ее улыбке. Камилла была такой чистой, она всегда так приятно пахла, а главное, она обладала какой-то непостижимой грацией, от которой у Лоуренса дрожали руки, перехватывало дыхание и пылали губы. Он и представить себе не мог, что когда-нибудь станет переживать из-за такой смуглой девушки с коротко подстриженными на затылке прямыми черными волосами, чем-то похожей на Клеопатру. Это надо же, ведь уже две тысячи лет прошло, как умерла старушка Клеопатра, думал Лоуренс, но именно с ней по-прежнему сравнивают гордых темноволосых девушек с прямым носом, нежной шеей и безупречной кожей. Да, она была сильна, эта старушка Клеопатра. На самом деле, рассуждал он, ему ничего не известно о Клеопатре, и о Камилле немногим больше, кроме того, что она не царица и зарабатывает себе на жизнь, то сочиняя музыку, то ремонтируя сантехнику.

Он постарался отогнать эти мысли, потому что они мешали ему отдыхать, и переключить внимание на мошек, жужжавших под потолком. Вот кто вечно был в трудах и заботах, будь они неладны! На днях Жан Мерсье, когда они вели наблюдение на нижних склонах, показал Лоуренсу цикаду. Он видел ее впервые в жизни и никогда бы не подумал, что эта маленькая, с ноготок, козявка может издавать такие оглушительные звуки. Сам Лоуренс предпочитал тишину.

Да, сегодня утром он, видимо, здорово задел Мерсье. Но ведь тот волк — это же и вправду был Маркус.

Конечно, это был Маркус с желтой отметиной на загривке. До чего любопытный экземпляр. Подвижный, ненасытный, прекрасный охотник. Лоуренс подозревал, что именно этот волк минувшей осенью погубил порядочное количество овец в кантоне Трево. Настоящая работа хищника: десятки загрызенных животных, клочья шерсти, лужи крови на траве — эффектное зрелище, приведшее сотрудников заповедника в полное отчаяние. Конечно, хозяевам овец возместили все убытки, но люди все равно были в ярости, стали обзаводиться бойцовыми собаками, и прошлой зимой все едва не закончилось грандиозным побоищем. Однако с конца февраля, когда с приближением весны волки перестали собираться в стаи и разбрелись кто куда, все постепенно успокоилось. Наступило затишье.

Лоуренс был на стороне волков. Его восхищало то, что эти звери, бесстрашно преодолев альпийские хребты, вернулись во французские земли, словно величественные тени прошлого. И речи не может быть о том, чтобы позволить каким-то поджаренным на солнце людишкам уничтожать их. Однако, как всякий странник и охотник, канадец вел себя осторожно. В деревне он никогда не говорил о волках, он помалкивал, следуя совету своего отца: “Хочешь быть свободным — держи рот на замке”.

Лоуренс не возвращался в Сен-Виктор-дю-Мон целых пять дней. Он предупредил Камиллу, что останется в горах до четверга: ему хочется снять инфракрасной камерой престарелого Августа и его отчаянные ночные попытки добыть пропитание. Однако

к четвергу стало ясно, что все старания волка безрезультатны, и Лоуренс решил задержаться еще на сутки и поискать еду для старика. Ему попалась кроличья нора, он вытащил оттуда двух зверьков, ножом перерезал им горло и оставил их на одной из охотничьих троп Августа. Спрятался в зарослях кустарника, завернулся в брезент, чтобы волк не учуял запах человека, и стал с нетерпением ждать, когда появится истощенное животное.

И вот теперь он с легким сердцем шагал по безлюдной деревне Сен-Виктор, весело насвистывая. Старик появился и нашел еду.

Камилла обычно ложилась поздно. Когда Лоуренс открыл дверь, она сидела в наушниках за синтезатором, сдвинув брови и приоткрыв рот, и ее пальцы бегали по клавиатуре, иногда замирая в нерешительности. Камилла была особенно красива, когда сочиняла музыку или занималась любовью. Лоуренс положил на пол рюкзак, сел у стола и несколько минут неотрывно смотрел на девушку. Недоступная для звуков внешнего мира, она быстро заполняла линейки нотными знаками. Лоуренс знал, что к ноябрю она должна сдать выполненный заказ — музыку к телевизионной мелодраме в двенадцати сериях. “Беда, да и только”, — говорила она. Как он понял, возни с этим было много. Лоуренс вообще не любил детально обсуждать работу. Люди просто работают, и все. Остальное несущественно.

Он встал за ее спиной, полюбовался коротко стриженным изящным затылком и торопливо ее поцеловал: он, как никто другой, отлично знал, что Ка-